

Проникая в тишину (1976)

Уилфред Бион

Перевод Михаила Козлова © 2026

Перевод выполнен по изданию

The Complete Works of W. R. Bion, Karnac Books 2014, Vol.XV p.31

Я придумал такое название, потому что оно, как мне показалось, могло бы дать представление о той области, о которой я хочу поговорить, и могло бы быть достаточным стимулом или раздражителем, чтобы побудить кого-нибудь прийти и послушать. К сожалению, то, что является преимуществом с этой точки зрения, почти сразу же становится недостатком, потому что это имеет тенденцию отвлекать внимание до такой степени, что становится трудно сосредоточиться на дальнейшем развитии этой темы. Чтобы попытаться расширить тему, в некотором смысле было бы проще сказать, что для всех нас было бы хорошо помолчать, а вы просто отметили бы то, что услышите. Часть этого сразу же покажется навязчивой, другие части — не такими ясными, но постепенно, возможно, вы сможете услышать даже такие вещи, как биение вашего сердца. Это отчасти то, что я имею в виду под проникновением в тишину. Если вы можете достичь этой тишины, то становится более возможным услышать то, что иначе не услышишь. Таким образом, начинает формироваться способность собирать свидетельства: начинают проявляться определенные факты, впечатления. Это чем-то похоже на ситуацию, которую описывает Фрейд, говоря о Шарко, которым он, очевидно, очень восхищался, — высказывание Шарко: «Продолжайте смотреть, пока не увидите закономерность». Люди с медицинским образованием знакомы с этим, это как рассматривать рентгеновский снимок. Если вы знакомы с рентгеном, вы начинаете замечать какую-то тень, с которой вы не знакомы. Если вы можете выдержать напряжение, вы продолжаете смотреть на то, чего не понимаете и с чем не знакомы. К сожалению, большинство из нас в школе и других местах быстро учатся заполнять этот пробел, потому что он очень неприятен. В результате из-за шума всей информации, полученной в течение жизни становится очень трудно достичь тишины. Собственный ум производит столько шума, что трудно заметить какой-либо новый элемент. Мы склонны пытаться упростить ситуацию, рассматривая ее с точки зрения тела и разума, этих искусственных разделений; Мы — врачи и хирурги, и, наконец, психиатры и психоаналитики создаём эти ящики, в которые помещаем различные идеи и разделяем их на категории. Если мы оказываемся в последнем ящике, который касается того, что мы считаем человеческим разумом, к чему мы прислушиваемся? Что является его противоположностью? Можно ли чему-то научиться в уже существующей дисциплине? Например, в медицине предполагается, что вы должны проявлять достаточно уважения к телу, чтобы быть открытыми к информации, которую оно вам передаёт. Я помню ветеринарного хирурга, которому сочувствовали из-за того, что его пациенты не могут говорить, на что он ответил: «Да, но это также означает, что они не могут мне лгать».

Можем ли мы понять язык тела? Врачи привыкли к различным вспомогательным средствам, таким как стетоскопы и, наконец, лаборатории, которые предоставляют определенную дополнительную информацию. Но, похоже, аналитику это недоступно. Если он считает, что существует такое понятие, как ум, который он должен исследовать, ему практически не на что опереться. Если вас интересует поведение группы людей, что вы слушаете? Человек не считает себя квалифицированным врачом, и поэтому, так сказать, исключает свои обязанности в отношении тела. Но на самом деле мы имеем дело не с телами или умами: мы имеем дело с целостностью человека или группы. И здесь объем получаемой информации бесконечен: он не имеет никаких границ. Поэтому из этой массы материала нам приходится делать выбор. Как всегда, это включает в себя не только выбор того, что слушать, но и то, что не слушать. Так что вы наверняка пожалеете о результате: вы можете сожалеть о том, что не поняли этого раньше, когда это станет вам ясно. Это относится даже к будущему, о котором мы ничего не знаем; мы выбираем определенную профессию или сферу интересов, а это опять же означает, что мы не выбираем множество других профессий. Если рассматривать группу в целом, то получается ситуация, которая разбросана, потому что каждый человек выбрал определенный путь, определенное путешествие, и в некотором смысле они могут объединить свои усилия, если захотят, и вы можете получить своего рода массовое впечатление. Но опять же, с точки зрения отдельного человека, он должен решить, чему прислушаться, а что игнорировать из всей совокупности доступной мудрости или знаний.

Предположим, что эта группа могла бы замолчать: тогда было бы интересно собрать информацию о том, что разные люди слышали или думали, что слышали во время этого молчания. В психоанализе можно познакомиться с таким молчанием и искушением нарушить его, издавая собственные звуки – и даже предлагая свои интерпретации. К счастью, или к несчастью, интерпретаций так много, что практически невозможно пройти и шага, не споткнувшись о них. Я помню времена, когда психоанализ казался чрезвычайно модным; вы едва ли могли войти в сообщество людей, не споткнувшись о «отцовскую фигуру» или какое-нибудь подобное существо – все просто кишело ими.

Фрейд описывал «рационализацию» как патологический механизм, но я хотел бы рассматривать всю эту работу разума, разумного разума, просто как формы рационализации. В какой точке проходит грань между тем, что вы называете «рациональным», разумом, имеющим некоторую ценность или пользу, и одной из этих рационализаций? Весь психоанализ предоставляет нам разумы, предположительно научные разумы, но неважно, как мы их классифицируем — научные, художественные или религиозные — все они являются разумами; и другой способ взглянуть на это — просто сказать, что они попадают в категорию вещей, понятных человеческому разуму. Действительно, очень неудобно, если вселенная, в которой мы живем, не подчиняется нашим представлениям о понятности. Может быть много чего непостижимого в смысле понятного или разумно объясненного таким образом, чтобы удовлетворить нас в том, что мы считаем адекватным.

Однако, прежде всего, это проблема сбора информации. Когда я учился в школе, у нас было так называемое богослужение, и среди прочего часто исполнялся один гимн. Слова были примерно такими: «Вперед, христианские солдаты, вперед, как на войну, с крестом Иисуса впереди». Эта рифмованная чепуха, глубоко религиозная болтовня сопровождалась соответствующей воинственной музыкой – музыкально она имела тот же статус, что и эстетически ценные слова. Учитель музыки, человек, не отличавшийся особой религиозностью, на самом деле был очень способным музыкантом, поэтому ему не составило труда сыграть такую мелодию, как «Вперед, христианские солдаты»; но чтобы добавить музыке определенной правдоподобности, он решил включить немного воинственной музыки, и что может быть естественнее, чем ввести хорошо известный сигнал британской армии – один из тех, которые всегда использовались для созыва солдат в столовую на обед, вместе со словами: «Идите к дверям кухни, парни». Часть школьников была знакома с этим звуком горна ещё со времён летнего лагеря; другие, с более серьёзными религиозными взглядами, прекрасно понимали сакральный смысл этой музыки. Поэтому, когда аудитория слушала, можно сказать, что у них возникла своего рода шизоидная реакция: одна половина была несколько шокирована, другая широко улыбалась. Не знаю, что случилось с божественной составляющей этого занятия, но она была: аудитория разделилась поровну. Мне кажется, это одна из тех ситуаций, когда способность слушать, готовность воспринимать происходящее, оказывает несколько тревожное воздействие на слушателей.

Ещё один пример того же самого: Крейслер написал композицию, которую назвал «Träumerei, Reverie» («Мечта, мечта»). Эта мелодия очень хорошо сочетается с «Way down upon the Swanee River» («Вниз по реке Суони»), поэтому их можно без труда объединить. Если говорить еще конкретнее, то эта мелодия производит на меня совсем другое впечатление, когда я ее слышу, потому что в моем воображении с ней ассоциируется следующая картина: в 1917 году во Франции наша группа сильно пострадала в окопах, и нас наконец отвели — нас должны были сменить. Мы наслаждались первым обедом и находились в так называемых «тыловых районах». Один из офицеров взял найденную где-то скрипку и начал играть тему Крейслера. Пока он играл, шум бомбардировки стал очень отчётливым. Мы все замолчали, прислушиваясь к музыке, а затем и к сопровождавшей её громкой стрельбе на западном фронте. Когда он закончил играть, было объявлено, что только что поступил приказ к оружию: мы должны вернуться в те же окопы тем же путем, которым пришли. Это индивидуальный опыт, точный и практический. Именно поэтому ситуация приобретает особую значимость, когда нас несколько — как, например, в данном случае; один и тот же стимул вызывает у каждого человека совершенно разные реакции. Если рассмотреть это с индивидуальной точки зрения, так сказать, под микроскопом, то можно обнаружить огромное разнообразие переживаний — одна и та же мелодия, один и тот же стимул, но множество разных реакций.

Снова соберите их вместе и попробуйте понять, каково состояние ума этой группы. Находитесь ли вы в положении – назовем его «лидерством» – в котором для вас имеет какое-то значение знать, каково состояние ума этой группы? На что вы обращаете внимание? Я не предлагаю ответа, потому что сам его не знаю; один из недостатков лидерства заключается в том, что вам приходится принимать решения, когда вы не знаете ответа; нет другой причины для принятия

решения. В противном случае решение принимается за вас; никто не будет заниматься проблемой, для которой уже известен ответ. Лидер всегда должен уметь выдерживать напряжение, связанное с принятием решений, когда ответа нет. Одно из качеств, которым он должен обладать, – это определенная степень устойчивости. Еще одна трудность заключается в следующем: реальная вселенная, в которой должно быть принято это решение, неизвестна. Поэтому вам приходится переводить тот опыт, который вам доступен – обычно его не так много – в действие. Благодаря Фрейду и его предшественникам и последователям даже разговор стал своего рода действием. Иными словами, это может быть просто разговор, заполняющий пространство, призванный заменить действие, отложить на неопределенный срок тот неприятный день, когда что-то придется сделать. Или это может быть прелюдия к действию – вот это уже совсем другое дело. Речь идет о лидерах, обладающих определенным опытом или подготовкой, но не настолько, чтобы исключать способность взглянуть на ту область, которую вы не знаете, не понимаете и для которой ваши ресурсы обычно довольно ограничены. Даже если вы мобилизуете весь свой опыт, каждую его крупницу, это мало что даст, когда вы столкнетесь с реальной жизнью, так сказать, с необходимостью почти мгновенно решать, что сказать или подумать. Когда вы занимаете руководящую должность, у вас нет возможности сначала провести длительное аналитическое обсуждение – вы должны действовать немедленно. Обычно люди предпочитают обсуждать вопросы заранее, до того, что может произойти, но это, конечно, связано с тем, что еще не произошло – с будущим. Подготовка к действию, по сути, происходит вслепую: мы не знаем, к чему готовимся. Когда наступает момент действия, момент, когда лидеру нужно что-то сказать или сделать, времени на это нет — он должен действовать мгновенно.

Если вы собираете вместе людей, которые могут быть заинтересованы в лидерстве и управлении – SCOLA¹ – то какое образование вы предоставляете? Каковы минимальные условия, которые вы предъявляете к человеку, желающему быть принятым в эту конкретную группу? Приняв такого человека, чему вы его подвергаете? Какое дополнительное обучение или опыт вы бы для него выбрали? Частично это связано с выбором библиографии, с тем, какие книги человек должен прочитать, но в этом кратком описании проблемы, с которой мы сталкиваемся, что еще этот человек должен прочитать? Поэты, кажется, обладают талантом выражать подобные проблемы словесно; поэтому можно обратиться к ним и к тому, что они говорят. Шекспир, например, говорит: «Это рассказ, рассказанный идиотом, полный шума и ярости, ничего не значащий». Виктор Гюго говорит нечто подобное, хотя он также описывает ситуацию, в которой он классифицирует слова так, как если бы у них была своего рода кастовая система: слова высшего класса, слова, используемые другим поэтом, Расином, — все это аристократические слова, которые можно считать подходящими для выражения переживаний, которые могли испытывать Федра и другие. Затем есть, так сказать, слова среднего класса, которые можно использовать для обычной беседы и обычного обмена мнениями. Наконец, есть непристойные слова, *les gros mots* (грубые слова). Именно в этой последней категории вы почти получаете универсальный язык. Вы можете провести эксперимент над собой и посмотреть, какова будет

1 Исследовательский центр по вопросам организационного лидерства и власти

ваша реакция, когда зазвонит будильник. Какой язык естественным образом приходит вам на ум? Вряд ли это тот язык, который можно было бы рекомендовать, скажем, для Ассамблеи Организации Объединенных Наций, но это, вероятно, язык, который был бы понятен всем ее членам, независимо от разнообразия их культур, образования и так далее.

Вернемся к чему-то гораздо более индивидуальному, например, к пациенту, который однажды приходит и кладет рядом с собой свой револьвер 45-го калибра. Вы видите, что у него все еще включен предохранитель, но, если вы аналитик, вы обнаруживаете, что уделяете большое внимание этому предохранителю и тому, что с ним происходит. Тот же пациент может затем появиться с одним из этих огромных музыкальных инструментов – тубой – которая выглядит как какое-то огромное тяжелое артиллерийское орудие. Если он не может остановить ваши интерпретации, застрелив вас из пистолета, то, по крайней мере, он может остановить их, подув в эту адскую машину. В рамках «Организации Объединенных Наций», если общий язык недоступен или не считается правильным, и если более правильные формы языка также не подходят, то они также могут прибегнуть к огнестрельному оружию. Но тогда это перестает быть убийством; это становится войной.

Итак, что же насчет вашего кандидата в члены SCOLA? Для чего вы собираетесь выбирать лидеров? И какую подготовку вы собираетесь им предоставить? Думаю, вы согласитесь, что это открывает огромную проблему. Я не знаю, существует ли решение, и будет ли оно когда-нибудь найдено – или будет ли оно найдено вовремя. Чем более неотложна ситуация – а я думаю, в неотложности нет никаких сомнений – тем больше оснований сказать, как Маршалл Лауте, когда ему сказали, что на производство древесины, необходимой для строительства кораблей, потребуется сто лет: «Ну, нельзя терять ни минуты». Такова ситуация: времени терять нельзя; наши запасы времени, как и все остальные наши запасы, очень малы перед лицом работы, которую необходимо выполнить. Поэтому я хотел бы прекратить говорить и дать шанс кому-нибудь другому. Я предлагаю, чтобы оставшаяся часть дискуссии была посвящена участию всех желающих.

Вопрос: Обычно причина, по которой человека принимают в организацию, неосвязаема, не поддается определению. В этом случае стандарты теряют свой смысл, становятся искусственными; и все же хочется верить, что в организации определенные параметры и стандарты логичны.

Бион: Да, любопытно, что многие люди, кажется, с опаской относятся к выбору того, что им нравится, просто потому, что это им нравится, будь то человек, вещь или даже идея. Трудно сказать, почему в этом должны быть какие-то трудности, но они, безусловно, есть. Иногда это кажется почти непроницаемым барьером; тот факт, что человек должен говорить то, что ему нравится, делает это очень сложным для него. Можно сказать группе людей, что они вольны говорить о чем угодно. Это кажется до смешного простым. Поэтому довольно удивительно обнаружить, что в ответ вы получаете молчание.

Вопрос: Разве это не связано с вопросом справедливости в каком-то смысле, и разве одной симпатии к кому-либо недостаточно – в организации, в бизнесе или в отношениях с людьми с уважением – разве человек не ищет в себе критерии, выходящие за рамки непосредственной симпатии?

Бион: Верно – мы всегда этого жаждем. В этом и заключается сложность принятия решения: всегда приходится принимать решение, основываясь на недостаточных знаниях или опыте, и чем больше вы знаете о себе, тем больше понимаете, насколько ограничены ваши ресурсы. Даже после значительного жизненного опыта есть одна вещь, которая обязательно даст о себе знать – ваше невежество, ваша нехватка ресурсов. Даже если вы используете то, что вам нравится или не нравится, в качестве метода принятия решения о том, что сказать или сделать, одно можно сказать наверняка: этого недостаточно. Для человека это пугающая ситуация – постоянно нести ответственность в ситуации, когда ответ неизвестен, когда информации недостаточно. Можно иметь самые сложные системы разведки, но этого все равно недостаточно.

Сомневаюсь, что вы можете позволить себе обойтись без какой-либо части словарного запаса — без теории, диагноза или интерпретации. В конечном итоге все сводится к самому человеку: кто вы? Каковы ваши ресурсы? Какова ваша информация? На основании каких доказательств вы решаете, что сказать или сделать? Если бы у вас был достаточно высокий интеллект, или если бы вы считали себя достаточно умным, я был бы очень удивлен, если бы вы полагали, что у вас достаточно интеллекта для решения этих повседневных проблем. Но, конечно, можно сказать, что вы могли бы попытаться ограничить свой словарный запас. Обратите внимание, что я трижды использовал слово «интеллект» в последних нескольких строках, но это не доказывает, что это хорошее слово для использования, или что оно широко используется, или что это слово входит в ваш основной базовый словарный запас. Если вы относитесь к тем людям, которые используют человеческую речь как выбранный метод выполнения чего-либо, то вам необходимо создать личный словарный запас, который, как вы считаете, вы сможете поддерживать в рабочем состоянии (вместо имеющихся устаревших клише, избитых теорий и обесцененных терминов). К сожалению, это лишь часть проблемы; нет смысла использовать этот конкретный вид оружия или инструмента языка, если нет никого, кто вас выслушает и поймет, что вы говорите.

Меня очень впечатлил рассказ Джона Рикмана, сделанный после того, как мы успешно провели Нортфилдский эксперимент, длившийся около шести недель. Он встретил рядового солдата на станции Йорк, который сказал, что находился в Нортфилде в то время, когда мы с Рикманом проводили эксперимент, и хотел выразить свою благодарность, потому что впервые понял, что такое университет – и, думаю, это был, скорее всего, последний раз, потому что он не принадлежал к привилегированным классам. Это был бедный человек, которого заманили в армию. В подобных переживаниях есть что-то невероятно трогательное. Когда я говорю, что это произвело на меня очень сильное впечатление, я задаюсь вопросом, какое впечатление произвело на этого человека. Это показывает, что слова могут производить впечатление: кто-то может услышать то, что вы говорите, и это произведет на него впечатление. Так что это очень

хорошо, если у вас есть словарный запас, который хотя бы может произвести впечатление, но вы должны сами выбирать свой словарный запас и поддерживать его в хорошем рабочем состоянии.

Вопрос: Судя по названию вашего доклада, один из аспектов лексики особенно вас интересовал – например, название «Проникая в тишину».

Бион: Думаю, музыканты понимают это, потому что у них есть бумажные обозначения различных видов того, что они называют «паузами». Есть и другие, кто также осознает важность этого: «Мудрость приходит к ученому человеку через возможность для досуга». Что меня больше всего впечатляет в этом утверждении, так это слова «мудрость» и «приходит к ученому человеку». Другими словами, человек должен быть способен к обучению, но это не значит, что он становится мудрым.

Вопрос: Интересно, не является ли это одной из причин сопротивления собственному словарю и определённой сложности в различении между знанием и мудростью? Может быть, это связано с неким страхом, который сопутствует мудрости?

Бион: Что касается меня, я убежден, что есть веские основания уважать использование такого термина, как «террор»; я чувствую «ужасную» тревогу. Очень часто подобное слово используется в контексте, который, кажется, сводит на нет все смыслы – «О, я чувствую ужасную тревогу». Музыка используется для того, чтобы противоречить этому термину; сопровождающая музыка маскирует его. Это ещё одна причина, по которой человек, оказавшийся в роли лидера, должен уметь выделять значимую информацию — понимать, что является фактом и о чём он свидетельствует, среди огромного количества нерелевантных сведений. Во время войны в Бирме отправлялись тщательно подготовленные «секретные» сообщения, но отправлялись таким образом, чтобы противник мог их перехватить. Таким образом, передвижения войск, танков и т. д. не только скрывались, в основном благодаря воздушному прикрытию американских ВВС, но и позволяли держать противника в неведении относительно истинных намерений и формировать в его сознании убеждение в том, что позиция – я думаю, это был 4-й корпус – находится на совершенно неверном участке фронта. Что касается себя, если вы занимаете руководящую должность, вы должны учитывать получение всевозможной информации – часть которой предоставляется добровольно, часть – преднамеренно; но вы должны решить, с вашими весьма ограниченными ресурсами, чему вы собираетесь верить из того, что вам говорят, из того, что подсказывают вам ваши органы чувств, из того, что говорят вам ваши шпионы, ваша «разведывательная служба». Поэтому я мог бы сказать так – или, по крайней мере, мне так кажется, создавая и импровизируя свой собственный словарь по ходу дела – я провожу различие между «разведкой» и «мудростью». Я думаю, что нацисты должны были быть необычайно умными, чтобы организовать такие вещи, как Нюрнбергские митинги – это был замечательный пример организации. Но даже если бы у меня был выбор, я бы не поддался влиянию этой высокоинтеллектуальной организации и её высокоинтеллектуальной организационной способности. Если вы спросите меня, почему я бы не поддался, я, думаю, не смог бы ответить...

Когда речь идёт об отдельном человеке, вы можете использовать имеющиеся у вас ресурсы в очень узкой области. Как то, что вы видите своими глазами, применимо к непосредственным повседневным решениям, которые необходимо принимать?

Вопрос: А как насчет знаний, о которых мы даже не подозреваем – того, что мы иногда называем «интуицией»?

Бион: Если вы хотите об этом поговорить, вам придётся придумать слово вроде «интуиция», надеясь, что речь идёт о чём-то конкретном и что интуиция у вас действительно есть. Даже математики предполагали, что классический метод проведения математических операций недостаточен — должно быть что-то ещё. Это похоже на поэта, который умеет выразить что-то таким образом, чтобы привлечь внимание читателя к тому, о чём он иначе мог бы и не догадываться. Человек, использующий слово вроде «интуиция», может не обладать достаточными знаниями, чтобы быть убеждённым в её существовании, но он может чувствовать, что она существует, и он может использовать этот термин, но ему приходится рисковать тем, что кто-то спросит: «Что вы подразумеваете под интуицией?» Всё, что он может сказать, это: «Если вы услышите, как я часто это слово использую, я надеюсь, вы поймёте примерно, о чём я говорю». В итоге возникнет ситуация, когда будет уместно сказать: «А, вот что он подразумевает под интуицией», или «А, теперь я понимаю, что вы подразумеваете под университетом; Я никогда не был ни на одном подобном мероприятии и вряд ли когда-нибудь туда поеду, но вы это имеете в виду». Мне кажется, в этом и заключается очарование такого рода деятельности.

Вопрос: Могли бы вы прокомментировать личную потребность в тишине в нашей профессии?

Бион: Я думаю, полезно прислушиваться к тишине и не спешить её нарушать. Мне это знакомо, потому что я знаю, что всякий раз, когда я устаю, в голове возникает множество интерпретаций – все фрейдистские, кляйнианские, авраамические, все благословенные интерпретации, которые вы когда-либо придумали – они все устремляются в мой разум. Действительно, можно почти сказать, что психоаналитическое обучение становится своего рода неврозом психоаналитика, признаком усталости, когда человек спешит применить эти интерпретации. На самом деле, я думаю, единственная ситуация, в которой мы действительно всемогущи и всезнающы, это когда мы понятия не имеем, что происходит – это единственное, что нужно делать. Примерно то же самое относится и к человеку, который не может слушать тишину. Я был бы удивлен, если бы кто-то здесь не был знаком с опытом неспособности выносить тишину. «Ради Бога!» «Почему ты ничего не можешь сказать?» Но на самом деле умение прислушаться к тишине имеет множество преимуществ.

Вопрос: Вы, кажется, довольно пессимистичны в отношении ресурсов человека. Это вызывает у меня сильный пессимизм, и я хотел бы противодействовать этому, подумав о том, как мы можем с этим справиться...

Бион: Я подхожу к этому так: пессимист я или оптимист — не имеет большого значения, потому что мне приходится иметь дело с людьми. Даже в младенчестве человек зависим; а будучи независимым, он также знаком с одиночеством, изоляцией; даже в толпе ты совершенно один — это цена, которую ты платишь за то, что ты — личность. Тот факт, что ты в основном зависишь от вещей, которые не стоят того, чтобы на них полагаться, может стать для тебя очевидным. Но если ты лидер, ты не должен давать это понять людям, с которыми имеешь дело, потому что всегда существует опасность того, что индивидуальный страх, если он достаточно подкреплён, может перерасти в панический страх. По крайней мере, это имеет то преимущество, что устраняет одиночество, если вся толпа разбегается в разные стороны. Вот почему лидер оказывается в опасной ситуации, если он противостоит давке. Его возможности не больше, но от него не ожидают, что он будет выражать свои мысли и осознание опасности ситуации на таком языке, который стал бы примером для остальных. От него не ожидают, что он будет вести полк из тыла — как знаменитый герцог Пласа-Торо.² «Но когда его полк бежал, его место было впереди, о – этот прославленный, образованный, недооцененный дворянин, герцог Пласа-Торо!» В этой ситуации одиночество ощущается совершенно отчетливо.

Вопрос: Стали ли войска чувствовать себя менее одинокими?

Бион: Всё зависит от того, кто поместил их в эту конкретную категорию, назвав «войсками». Я не думаю, что они находятся в какой-либо иной ситуации; они находятся в той же ситуации, за исключением, возможно, того, что эти люди, являющиеся лидерами, не занимают эту конкретную позицию: они просто служат войсками и, возможно, являются тем, что мы могли бы назвать «плохими войсками», потому что у них нет возможности проявить свои лидерские качества. Вполне возможно, что некоторые из них были бы гораздо лучше подготовлены к работе, если бы занимали должность, где у них была бы возможность реализовать свои лидерские качества. Я думаю, это то, что имел в виду Черчилль, когда говорил, что демократия — это чертовски плохая система правления, но она оказывается лучшей, потому что предоставляет людям возможность показать, на что они способны — по крайней мере, так должно быть.

2 Из оперы «Гондольеры» Гилберта и Салливана.